

Вновь опустились сумерки. День пролетел незаметно, пока Сюй Нуо бродил среди деревьев, погружённый в свои мысли. Теперь он сидел неподвижно на самом краю крыши, провожая взглядом тонущее за горизонтом солнце. Ему хотелось подняться на ту, самую высокую башню в округе, но Чжао Бучжи строго-настрого запретил туда ходить.

Сюй Нуо не понимал мотивов великого наставника, однако было очевидно: здание, возвышающееся над всей столицей, принадлежит непростым людям. И без чужих подсказок можно догадаться, чья это обитель. Заводить знакомства среди знати юноша не стремился, да и мирская суета его давно не прельщала. Считая, что лишние хлопоты ему ни к чему, он облюбовал крышу этого терема — уступавшего по высоте лишь величественному императорскому дворцу.

Чжао Бучжи уверял, что зима в государстве Чжуцзуэ коротка и весна наступит быстро, однако прошёл уже месяц, а холода всё не отступали. Время от времени кружила лёгкая метелица. В пасмурные вечера, когда солнце скрывалось за пеленой туч, Сюй Нуо устраивался на ветке дерева и уныло считал падающие снежинки. Делать было решительно нечего, но и оставаться наедине со своими мыслями он боялся. Стоило ему на мгновение замереть, как в памяти ураганом проносился образ Чжао Тяньи — человека, за которым он гнался сквозь череду перерождений, и его собственная вторая суть, Восточный Нефритовый Лис, томившийся в одиночестве пятьсот долгих лет. Воспоминания кружились в голове в бесконечном, изматывающем хороводе.

Сегодня закат выдался удивительно мягким. Угасающий свет не слепил глаза; багровый диск наполовину скрылся за далекими горными хребтами, напоминая прищур Чжао Тяньи, когда тот заливался весёлым смехом.

— Сюй Нуо, тебе сегодня опять подарков надали! Эх, я ведь тоже красавец хоть куда, а девчонки почему-то толпами бегают за тобой, а не за мной! — Чжао Тяньи просунул голову в приоткрытое окно класса и застал друга за весьма странным занятием: тот растерянно запихивал гору шоколадных плиток в мусорную корзину.

— Эй, ты чего добро переводишь?! Это же расточительство! — заорал Тяньи, размахивая рюкзаком, и ворвался в класс.

— Не трогай! — Сюй Нуо слегка позеленел от досады. Он вытащил из ящика парты нераспечатанную коробку и протянул другу: — На, это тебе.

— О-о-о! С миндалем... И с фундуком! Как раз мои любимые! — Тяньи сгреб сладости в охапку.
— Какая из девчонок подарила? У неё отличный вкус!

Он швырнул рюкзак на стул:

— Присмотри за вещами, ладно? Первые два урока — литература, так что я смываюсь в компьютерный клуб.

Сюй Нуо не успел даже рта открыть, как долговязая фигура Тяньи скрылась за дверью.

Вскоре к его парте подошёл одноклассник:

— Сюй Нуо, одолжишь плеер? Тяньи сказал, что свой где-то посеял.

«Так вот почему он вчера просил мой», — подумал юноша.

Он подошёл к парте друга, расстегнул его рюкзак и замер, вытаскивая плеер. Спустя мгновение Сюй Нуо поспешно задернул молнию. Вернувшись на место, он принялся нервно чиркать остро заточенным карандашом в тетради, тщетно пытаясь унять внезапную дрожь в руках.

В рюкзаке Тяньи лежали два совершенно одинаковых МРЗ-плеера. Один из них Сюй Нуо подарил ему на прошлый день рождения, а второй оставил себе. Кроме плееров и трёх сиротливых учебников, всё пространство портфеля было забито шоколадками. Интересно, сколько девочек сегодня признались ему в любви? Сюй Нуо совсем забыл, что Тяньи тоже считался одним из первых красавцев школы...

В тот год седьмого июля Тяньи исполнилось пятнадцать, а ему — четырнадцать. Юные, прекрасные, словно распускающиеся цветы.

— Ты меня знаешь?

Внезапный голос прервал его размышления.

Сюй Нуо вздрогнул. Шагах в трёх от него, неведомо как, стоял юноша в роскошных одеждах. Его раскосые глаза сияли, подобно чистому хрустали. Он был неописуемо красив.

«Как он умудрился взобраться на такую верхотуру?» — недоумевал Сюй Нуо.

— Ты хоть представляешь, как долго я тебя искал! — недовольно проворчал незнакомец, будто они были неразлучными друзьями с незапамятных времен.

Прежде чем Сюй Нуо успел сообразить, что происходит, юноша рванулся вперёд и крепко обхватил его за шею. Сюй Нуо попытался высвободиться, но гость молниеносным движением

ткнул пальцами ему в поясницу. Тело тут же обмякло и перестало слушаться.

Сюй Нуо и подумать не мог, что этот невинный с виду мальчишка владеет искусством запечатывания акупунктурных точек.

«Это называется... притвориться овцой, чтобы сожрать волка?» — отрешённо подумал он.

Мальчишка приблизил свое лицо почти вплотную, пристально разглядывая каждую черточку Сюй Нуо.

— Если посмеешь сказать, что не помнишь меня, я тебя... я тебя задушю!

— Я уже мертв, — тихо отозвался Сюй Нуо, невольно любясь невероятной глубиной его сияющих глаз.

— Мне плевать! Я три года из-за тебя ни спать, ни есть не могу, все думы только о тебе! А ты делаешь вид, что мы незнакомы?! — Юноша возмущённо вытаращился на него. Сюй Нуо даже мысленно подивился: как это у него получается так округлять свои узкие азиатские глаза?

Незнакомец слегка отстранил его, окинул оценивающим взглядом с головы до ног и, немного подумав, произнёс:

— Лин Цзюмо. Можешь звать меня просто Мо или Мо-Мо.

Сюй Нуо посмотрел на этого свалившегося с неба избалованного красавца и после короткого колебания тихо представился:

— Сюй Нуо.

— Сюй Нуо... — протянул юноша, а затем крепко сжал его ладонь: — Сюй Нуо, пойдём домой!

— Домой? — юноша окончательно растерянно замер.

В прошлой жизни у него когда-то был дом. Хоть родители и жили отдельно, они всё же оставались семьёй, пусть даже в той пустой квартире он вечно оставался один. Он никого не подпускал к себе близко. Кроме Чжао Тяньи, у него не было дорогих людей.

И он никогда, даже в самых смелых фантазиях, не представлял, что когда-нибудь явится тот, кто так просто и естественно возьмёт его за руку и скажет: «Пойдём домой».

«Неужели это возможно?»

Заметив его молчание, Лин Цзюмо ничуть не обиделся. Он расплылся в довольной улыбке, хозяйски сгреб Сюй Нуо в охапку и легко шагнул с крыши прямо на землю. Так Сюй Нуо впервые наяву воочию увидел легендарное мастерство легкости — цингун.

В Божественном Свитке было начертано:

«Когда люди умирают, у них почти всегда остаются несбывшиеся желания, и души их задерживаются в подлунном мире. Они обречены бесцельно скитаться, беспомощно взирая на мир живых. Постепенно их чувства угасают, разум черствеет, а сами они истлевают. Перестав двигаться и мыслить, они исчезают без следа — и это становится их окончательной смертью».

После встречи с Восточным Нефритовым Лисом их души слились воедино. Сюй Нуо перестал быть смертным, но его бывшая привязанность к Чжао Тяньи со временем поблёкла. Он проводил дни в праздности, погружённый в полусонное, туманное забытие.

В ненастные дни, когда тучи скрывали солнце, он мог по трое суток сидеть неподвижно, не шевелясь и ни на что не реагируя. Вероятно, он уже стоял на пороге той самой истинной кончины, о которой предупреждал Свиток. Ему казалось, что куда проще наедине перебирать осколки прежнего крошечного счастья и в конце концов тихо раствориться в небытии.

Но внезапное появление Лин Цзюмо в пух и прах разнесло этот хрупкий покой. Этот незванный гость с тонкими чертами лица и нежными, словно у младенца, губами упрямо твердил, что искал его долгие годы и теперь забирает домой.

Впрочем, Сюй Нуо было всё равно. Пусть всё идёт своим чередом.

Ладони Лин Цзюмо взмокли от пота, всё его тело было напряжено как натянутая струна. Ощувив это смятение, Сюй Нуо негромко спросил:

— Почему именно я?

Цзюмо долго вглядывался в его лицо, а затем лукаво усмехнулся:

— Сам не знаю. Но едва завидев тебя, я почувствовал, словно мы знакомы целую вечность. И сейчас, когда я держу тебя, мне всё кажется, будто это сладкий сон. — С этими словами он сжал объятия ещё крепче.

Сюй Нуо опустил веки. Длинные ресницы отбросили густые тени на бледные щёки. Разумеется, всё это казалось призрачным. Ведь он давно принадлежал миру мёртвых.

Цзюмо мягко коснулся губами лба Сюй Нуо.

— Как же хорошо, — прошептал принц с блаженной улыбкой.

Юноша осторожно прикоснулся к месту поцелуя, погрузившись в растерянное молчание. Цзюмо не пытался разгадать его мысли, решив просто наслаждаться моментом.

Сюй Нуо никогда не думал, что окажется в месте, о котором столько грезил — на самой вершине столицы Чжуцзуэ — да ещё и в столь двусмысленном положении.

Лин Цзюмо бережно прижимал его к себе, не желая отпускать ни на миг. В его раскосых глазах мерцали искры, а на лице блуждала детская, простодушная улыбка. Словно Сюй Нуо был драгоценной фарфоровой куклой, которую следовало оберегать со всей осторожностью.

Юноша невольно вспомнил их первую встречу с Чжао Бучжи. Тогда, в полумраке кареты, великий наставник отпрянул от него, точно укушенный скорпионом. Этот мальчишка был совсем другим...

Когда они сошли с повозки, Цзюмо укутал его в свой просторный плащ и тихо шепнул на ухо:

— Просто спи. Тебе ни о чём не нужно беспокоиться.

«Я ведь больше не человек. Разве могу я спать?» — подумал Сюй Нуо. Ему хотелось горько усмехнуться собственной участи, но губы не слушались. Однако вскоре веки его отяжелели, и он действительно погрузился в глубокий безмятежный сон.

Пробуждение выдалось тревожным — в воздухе пахло грозой, атмосфера была наэлектризована до предела. Он всё ещё лежал на руках у Цзюмо, укрытый плотной тканью плаща. Вокруг царила крошечная тьма и мёртвая тишина, но обострившиеся чувства Сюй Нуо улавливали присутствие множества перепуганных людей, затаивших дыхание.

— Цзю-эр, ты перешёл все границы! — раздался звучный, властный женский голос, от которого присутствующие, казалось, и вовсе перестали дышать.

«Какая сильная женщина», — мысленно отметил Сюй Нуо, пытаясь понять, куда его занесло.

Тишина затянулась.

Голос зазвучал строже, в нём зазвенели стальные нотки:

— Ты — девятый принц великого государства Чжуцзуэ! Как ты посмел опуститься до посещения притонов разврата? И более того — притащить оттуда это отродье в свои покои?! Твой отец уже в курсе твоих бесчинств. Хотела бы я знать, как ты намерен оправдываться!

В этот миг до Сюй Нуо наконец дошёл смысл происходящего.

Принц Чжуцзэ? Неужели они в императорском дворце?

Юноша мысленно изумился. Сегодняшний день преподнес ему слишком много сюрпризов.

Почувствовав легкое шевеление, Цзюмо догадался, что его ноша проснулась. Мальчишка беззаботно рассмеялся:

— Подумаешь, привёл во дворец милого юношу-сяогуаня. Стоило ли из-за такой ерунды тревожить отца, матушка?

«Сяогуань?» — Сюй Нуо опешил, а затем мысленно горько усмехнулся. Теперь всё встало на свои места. Неудивительно, что этот принц без лишних церемоний полез обниматься и целоваться. Вот, значит, кем он его посчитал...

Женщина задыхнулась от гнева. Голосом, полным горечи и разочарования, она пригрозила:

— Отец ждёт тебя в императорском кабинете. И он там уже очень давно.

Цзюмо ненадолго замолчал. Он бережно опустил Сюй Нуо на ложе и с неизменной ухмылкой произнёс:

— Матушка, прошу вас, позаботьтесь о моём госте. Я скоро вернусь.

Вэнь Цайэр прекрасно расслышала, с каким нажимом её сын произнёс слова «о моём госте». Что это, если не скрытая угроза? Императрица холодно усмехнулась. Стоило шагам девятого принца затихнуть в коридоре, как она подала знак стоявшему подле неё слуге.

— Что ж, поглядим, какая птица совладела с разумом нашего ненаглядного девятого принца, — ледяной тон императрицы заставил евнухов сжаться от страха.

Слуга поспешно откинул полы плаща, а стоявший рядом евнух поднёс к лицу Сюй Нуо зажжённую свечу. По залу пронёсся сонный вздох, и тут же воцарилась гробовая тишина.

Юноша лежал неподвижно. Его тонкие, словно сошедшие с картины черты лица, безупречные одежды и изящная фигура поражали воображение. Даже запечатанные меридианы не могли скрыть его неземной, чистой красоты.

«Такое чистое, благородное дитя... Как же его занесло в столь грязное место?» — в душе Вэнь Цайэр шевельнулась мимолётная жалость. Взгляд её потеплел, и она спросила гораздо мягче:

— Как твоё имя, дитя? И какими речами ты склонил принца нарушить все приличия и привезти тебя во дворец?

Сюй Нуо молча смотрел на величественную женщину. Императрица... В её облике сквозило поразительное сходство с той, кого в далёком двадцать первом веке он когда-то называл матерью. Он наивно полагал, будто смерть избавит его от оков прошлого и сотрёт все следы прежней жизни. Но сначала Чжао Бучжи, теперь — эта женщина. Похоже, от предначертанного судьбой спасения нет.

Вэнь Цайэр заметила, как в тёмных глазах юноши заблестели слёзы, отражая пламя свечи. На его лице отразилась такая глубокая, детская обида, что императрица невольно растерялась.

— Ваше Величество, — негромко доложил евнух, — похоже, девятый принц запечатал его акупунктурные точки.

Вэнь Цайэр нахмурилась. Мальчишка не выказывал ни капли страха, лишь смотрел на неё растерянным, тоскливым взглядом. Сердце правительницы, давно ставшее холодным и непреклонным, дрогнуло от жалости. Перед ней был совсем ещё ребёнок.

Евнух дважды хлопнул в ладоши. В покой бесшумно скользнул гвардеец в чёрном доспехе и ловким движением снял блок с точек на поясице Сюй Нуо.

Обретя свободу, юноша медленно поднялся. Слёзы душили его, готовые вот-вот пролиться. Мужчины не плачут по пустякам, но его чаша терпения была переполнена. Пройдя сквозь вихри стольких невзгод и перерождений, он вдруг почувствовал себя потерянным ребёнком, обретшим мать и желающим выплакать ей всю свою боль.

Вэнь Цайэр сама не понимала, откуда в ней взялось это странное расположение к незнакомцу. В его глазах читалась глубокая печаль, но не было рабской покорности. Сюй Нуо встал во весь рост, расправил плечи и открыто посмотрел на императрицу. Он не склонил головы, не пал ниц в страхе перед её величием. Весь мир вокруг перестал для него существовать. Глядя на эту гордую, хрупкую фигуру, Вэнь Цайэр на мгновение сама забыла, что стоит на вершине власти.